

**РУССКАЯ МИКРОТОПОНИМИЯ
КАРЕЛЬСКОГО ПОМОРЬЯ
ПО ДАННЫМ ПИСЬМЕННЫХ И ПОЛЕВЫХ
ИСТОЧНИКОВ***

Аннотация. В статье анализируется русская микротопонимия Карельского Поморья в ареальном и историческом аспектах. Микротопонимия этой территории отражает все основные виды экономической деятельности местных жителей, которые существовали в прошлом (подсечно-огневое земледелие, добыча соли) и сохранившиеся до наших дней (рыбный промысел). Термины подсечно-огневого земледелия в поморских говорах изменили свою семантику и стали обозначать сенокосные, а не пахотные угодья. Особенностью поморских говоров, отразившейся и в микротопонимии, является сочетание разнодиалектных явлений, которые свидетельствуют об интенсивных междиалектных контактах в прошлом. Большинство лексем, употребляемых в микротопонимии Карельского Поморья, связывают говоры данной территории с новгородскими и псковскими диалектами. Самая малочисленная группа слов является следствием ростово-суздальского влияния (печище, верхотина, репник).

Ключевые слова: микротопонимия, апеллятив, русские диалекты.

В фондах Национального архива Карелии хранится значительный топонимический материал. Большую ценность представляют собой документы второй половины XIX — начала XX в. — дела о сенокосных местах, по отводу земельных и лесных наделов для крестьян, осмотры лесничеств, а также материалы 30–50 гг. XX в. — акты по закреплению сельскохозяйственных угодий, межхозяйственному землеустройству, утверждению внешних границ землепользо-

* Исследование выполняется при финансовой поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

вания колхозов¹. В них содержатся списки и ведомости сенокосных угодий, мест рыбной ловли (тонь) населенных пунктов Беломорского и Кемского Поморья.

В исследуемом материале приводятся названия полей, покосов, реже — поселений, островов, рек, озёр, заливов сел Сумский Посад, Вирма, Колежма, Шижня, Лапино, Поньгома, Калгалакша, городов Беломорска (с. Сорока) и Кеми. Значительная доля архивных данных содержит информацию об уже исчезнувших населенных пунктах и их названиях. При этом значительно преобладают микротопонимы — названия пахотных и сенокосных угодий². Отсутствие ударений в названиях, неразборчивое написание некоторых из них не снижают их важности для исследователя-топонимиста и историка.

Для правильной интерпретации топонима требуются дополнительные сведения о смысловом наполнении наименования. Лишь некоторые из этих сведений мы можем почерпнуть из указанных архивных материалов. Так, в них одновременно фиксируются несколько десятков наименований отдельной микросистемы деревни или села, чаще всего содержатся сведения о типе географического объекта (поля, покосы, острова, рыболовные тони и проч.).

Одним из существенных недостатков архивных документов следует признать отсутствие данных о значении географических названий от самих носителей топонимической микросистемы. Подобные объяснения топонимов информантами можно получить только в ходе полевых исследований.

Для получения более полной информации о местных географических наименованиях необходимо сопоставить архивные источники с топографическими картами и полевыми записями. Проведенное нами сравнение показало, что указанные материалы дополняют друг друга. Из 65 названий сенокосных угодий с. Вирма Бело-

¹В работе использованы материалы фондов 27, 83, 755. Географические названия приводятся в современной орфографии.

²Микротопоним — это «собственное имя (чаще) природного физико-географического объекта, (реже) созданного человеком, имеющее узкую сферу употребления: функционирующее в пределах лишь микротерритории, известное узкому кругу людей, живущих вблизи именуемого микрообъекта» (Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. М., 1978. С. 86).

морского района, приведенных в деле №4/47, 17 наименований в полевых записях отсутствуют: *Хотеев, Под Кряжем, Островок Лисьего, Чёрный Ручей, Росплавя, Шестая Верста, Березовый Наволок, Грязный Островок, Сперово, Тереба Лопин, Тереба Колтышко-Летницкий Мох, Тереба Терехово, Масленный Бор, Сперово Поле, Карьер, Трубное, Гора Лариониха, Водопойн Ручей*. В отдельных случаях имеются орфографические и грамматические варианты названий: *Пастушья Полянка / Пастушье, Первушинского / Первушинское, Густуха Луда / Густушна Луда, Островок Навагинский / Навагинский, Мендовый Бор / Мендовы Боры, Веревки от Тебручья до Латьнаволока / Веревки, Головина Поле / Головинский Берег, Горушки / Горушка, Толстой Наволок / Толстый Наволок, Кобылина Щелья / Кобылинская Щелья, Кобылья / Кобылье*.

О неполноте полевых данных свидетельствуют практически все архивные документы. Для сравнения приведем полный список сенокосных угодий колхоза «Восход» с. Сумпосад (дело №3/36): *Ероховик (н.), Толстый Наволок, Подветренные (Подветренные Тереба), Левый Ручей (н.), Кожорежские Поля (Кожаренские Тереба), Мальострова, Вегуба (Вёгуба), Рига (Ригачи), Сосновый Ручей (н.), Костин Бор, Палнаволоки (Палнаволок), Тереба в Палнаволоке (н.), Ладручей, Рахостровок, Челузгинские (н.), Сосновая Рада, Нюнибор (н.), Быстрая Курья (н.), Пиручей, Пиозеро, Парахин Мох (н.), Великая Гора (н.), Собачий Ручей, Большая Чупоргора, Тереба Падоринские (н.), Окуневый (н.), У часовни (н.), Борисово Болото (н.), Высокий Мох (н.), Расостров, Малые Половинные (н.), Малая Чупоргора (н.), Черная Ламбина, Тереба у Студеного (н.), Тегоручей, Большое Габозеро, Щучье, Валовские (н.), Порточные (н.), Избной Ручей, Захарьев Ручей (н.), Юковский Зимник (н.), Поповиха (Поповщина)³.*

При анализе будем опираться на все имеющиеся в нашем распоряжении топонимические материалы. Кроме архивных источников в работе используются данные полевых сборов автора, осуществ-

³В скобках приводится информация о полном отсутствии топонима в полевых записях (н.) или вариант топонима, записанный в ходе полевых экспедиций.

ленных в с. Сумпосад и Нюхча, материалы картотеки КГПА, а также памятники письменности XVI в. — Писцовые книги Обонежской пятины 1563 и 1582 гг. и грамоты.

Начало формирования русскоязычной группы поморов относят к XVI–XVII вв.⁴ Основными занятиями поморов стали морское рыболовство и промысел морского зверя, а не земледелие.⁵

По карте диалектного членения русского языка 1914 г. русские говоры этой территории включались в Поморскую, или Северную, группу северновеликорусского наречия.⁶ Диалектное членение русского языка 1965 г. ограничило территорию с севера до 68 градусов северной широты, не включив поморские говоры. Ограничение территории с севера обусловлено рядом соображений. Во-первых, русское население размещено здесь на разорванных территориях, только по течению рек, сформировалось в относительно позднее время. Кроме того, составление атласов северных областей еще не проведено. Во-вторых, здесь не встречаются такие сочетания ареалов собственно местных явлений, которые дали бы основание для выделения самостоятельной группы северного наречия, а лишь повторяются в новом размещении черты расположенных к югу от Поморской группы межзональных говоров северного наречия⁷.

Спецификой межзональных говоров является сочетание разнодиалектных явлений, которые свидетельствуют об интенсивных междиалектных контактах в прошлом. Межзональные говоры выделяются в пределах каждого из наречий на той части территории, где пересекаются пучки изоглосс противоположных диалектных зон и групп говоров⁸.

Подобная «междиалектность», вероятно, характерна и для слов, имеющих отражение в топонимии Карельского Поморья. Так, сре-

⁴Бернштам Т. А. Поморы. Формирование группы и система хозяйства. Л., 1978. С. 70.

⁵Логинов К. К. Этнографические зоны и этнические границы в Карелии // Границы и контактные зоны в истории и культуре Карелии и сопредельных регионов. Гуманитарные исследования. Вып. 1. Петрозаводск, 2008. С. 96.

⁶Русская диалектология / Под ред. Н. А. Мещерского. М., 1972. С. 38–39.

⁷Захарова К. Ф., Орлова В. Г. Диалектное членение русского языка. М., 1970. С. 32, 121.

⁸Там же. С. 26.

ди них могут быть выделены три группы слов. К первой группе будем относить лексемы, зафиксированные на достаточно большой территории, которая включает новгородские, псковские, ростово-е, реже — южно-русские говоры, а также говоры территорий позднего заселения — Севера и Сибири (*булдырь, ляга, лядина, наволок, нива, пожня, солотина, чища, чищеница*). Ко второй группе слов, употребляемых в топонимии этой территории, можно отнести лексемы, обнаруживающие явные новгородские и псковские истоки (*бор, голдыжина, креж, новина, продух, падун, тереб*). В третью группу слов, самую малочисленную, отнесем явные ростово-суздальские лексемы (*печище, верхотина, репник*).

Некоторые из слов первой группы диалектологи соотносят или с древненовгородским, или с ростово-суздальским потоком заселения севернорусской территории. Нередко вопрос о принадлежности лексемы к тому ли иному потоку заселения носит дискуссионный характер. Так, принимая во внимание то, что термин *чища* ‘росчить под сенокос’ известен в псковских, тверских, онежских, ленинградских говорах, Ю. И. Чайкина отнесла его к словам древненовгородской зоны⁹. Н. С. Бондарчук, опираясь на данные памятников письменности и современных говоров, слова *чисть* и *чища* определяет в ряд лексем северо-восточной зоны, в которую входят области к востоку и северу от Москвы, включая Подвинье и Ростово-Суздальскую территорию¹⁰.

Ю. И. Чайкина считает слово *ляга* новгородской инновацией¹¹. В. Л. Васильев приводит более убедительные доказательства того, что лексема *ляга* имеет ростово-суздальское происхождение. Так, *ляга* известна только основной части новгородских говоров, но незнакома западным новгородским говорам бассейнов Луги и Плюсы. Праславянские образования с суффиксом *-от* (*ляготь, ляготина, лякотина*) незнакомы исконным новгородским диалектам, но образуют отчетливый ареал в юго-восточных севернорусских го-

⁹Чайкина Ю. И. Вопросы истории лексики Белозерья // Очерки по лексике севернорусских говоров. Вологда, 1975. С. 149; 78–79.

¹⁰Бондарчук Н. С. Проблемы исторической региональной лексикологии. Калинин, 1978. С. 23–24.

¹¹Чайкина Ю. И. Указ. соч. С. 27.

ворах. Обращают на себя внимание и внешние особенности конфигурации ареала (клинообразное вторжение), изображающее направление экспансии ареала¹².

Писцовые книги Обонежской пятины 1563 и 1582 гг. описывают деревни «на Нюкче», «на Суме реке», «на Шижне реке», «в Вирме», «на Колежме» как земледельческие сельскохозяйственные поселения. Например, дер. *на Нюкче* словет *Низовские*: Самсонко Яковлев Плохой, Куземко Семенов да в том же Нестерко Васильев да Иванко Кипров, пол-3 обжы, сеют в поле ячмени 2 коробы, сена косят 100 коп.; дер. *на усть Нюкче*: Тимошка Ильин да в том же двори Поташко Левонтьев да Мартышко Лукин, обжа, сеют в поле ячмени коробью, сена косят 100 коп.; дер. *на усть Сумы реки*: Карпик да Калинка, Дмитр да брат его Захарка, Васка Пятой да Степанко, Филка Лапаков, Дениско Жолоб, Офонаско да сын его Корнилко, Михалка Бочка, 5 обеж, сеют в поле ячмени 3 коробы, без четверки, сена косят 300 копен; дер. *на Суме реки*: Гаврилко да Рычко да Сенка Ивановы дети Шарапова, Гридка да Микифорко Бушко Тимофеевы дети Шарапова, Михалка Ходыка да брат его Тишко... 9 обеж, сеют в поле ячмени 9 коробей, сена косят 400 копен (ПКОП: 1563, 158, 160); дер. *Колежма* на реке на Колежме у погоста, *Рубьевщина* по обе стороны реки Колежмы, а в ней крестьян: Самсонко Семенов, Бориско Фомин, Меншичко Нефедьев, Иванко Данилов... Пашни паханные двадцать чети да перелогу двадцать чети в поле, а в дву по тому ж, сена триста копен. В живущем две обжи, а в пуге две ж обжи; дер. *на реке на Шижне*, а в ней крестьян: Гаврилка Фомин, Иванко Ермолин, Никифорко Валигин, Наумко Понамарев, Никитка Ульянов. Пашни пятнадцать чети в поле, а в дву по тому ж, сена сто копен. Полторы обжи (ПКЗП: 1582–1583, 202–203).

Земледельческое прошлое Поморья подтверждается и анализом микропонимии данной территории. В каждом поморском селезафиксированы наименования земельных угодий, восходящих к терминологии подсечно-огневого земледелия. По словам истори-

¹²Васильев В. Л. Новгородская географическая терминология (Ареально-семаσιологические очерки). Великий Новгород, 2001. С. 202.

ка Г. Е. Кочина, подсечно-огневое земледелие было развито на Руси вплоть до XII–XIII вв.¹³ С середины XIII в. оно постепенно начинает заменяться паровым, или пашенным. Однако на Севере, в частности в Карелии, подсека была чрезвычайно распространена вплоть до конца XIX в.¹⁴ «Отхожая пашня» — подсека разрабатывалась в отдалении от поселений и легко скрывалась от налогообложения.¹⁵

Некоторые поморские микротопонимы прибалтийско-финского происхождения восходят к терминам подсечно-огневого земледелия: *Палнаволок* (Поньгома, Вирма), гора *Палáщелье* (Нюхча) < *palo* ‘подсека, выгоревшее место в лесу’; *Раснаволок* (Колежма), *Расостров* (Сумпосад) < *gasi, gazi* ‘подсека, оставшаяся неспаленной’; *Касельга*, поле *Каски* (Нюхча) < *kaski* ‘подсека’.¹⁶

Наиболее распространенным термином подсечно-огневого земледелия в Беломорье является слово *тереб*. Так, в с. Колежма зафиксировано 17 названий покосов со словом *тереб*: *Голубинские Тереба*, *Грязнов Тереб*, *Засумский Тереб*, *Зашиурáевский Тереб* — в 3 км., *Кирлагин Тереб*, *Кормановы Тереба*, *Костинские Тереба*, *Лёвины Тереба* — в сторону Нюхчи, *Мартыновские Тереба* (*Постниковых*), *Медвёжьи Тереба* — покос в 3 км. на юго-восток от села, *Отáвинские Тереба*, *Подкорожные Тереба*, *Подрéбов Тереб*, *Поспéловские Тереба*, *Рахмановы Тереба* (*Рахмановылуга*) — в 5 км. на юго-восток от села, *Семёновский Тереб*, *Супунóвские Тереба* — в 10 км. от Колежмы; в с. Сумский Посад — 9 названий: *Абра́мов*

¹³Кочин Г. Е. Сельское хозяйство на Руси в период образования Русского централизованного государства. Конец XIII — начало XVI в. М.; Л., 1965. С. 141.

¹⁴Куркина Л. В. К реконструкции древних форм земледелия у славян (На материале лексики подсечно-огневого земледелия) // Славянское языкознание. XII Международный съезд славистов: Доклады российской делегации. М., 1998. С. 382.

¹⁵История Карелии с древнейших времен до наших дней / Науч. ред. Н. А. Кораблев, В. Г. Макуров, Ю. А. Савватеев, М. И. Шумилов. Петрозаводск, 2001. С. 148.

¹⁶Кузьмин Д. В. К проблеме формирования населения западного побережья Белого моря (по данным топонимии) // Финно-угорская топонимия в ареальном аспекте: Материалы научного симпозиума. Петрозаводск, 2007. С. 31.

Тереб, Воробинский Тереб, Зачургаевские Тереба — за Чургаевым ручьем, *Кожаренские Тереба, Махильковский Тереб, Подвётренние Тереба, Рахманинские Тереба, Тереба в Палнаволоке, Чургаевы Тереба* — вдоль Чургаева ручья, в с. Шуерцкое — 9 названий: *Антроповских Тереба, Богатых Людей Тереба, В Карьере Тереба, Замотаевой Тереба, Каллевых Тереба, Мосорина Тереб, Мүлева Тереба, Тереба у Каргоручья, Федосеевых Тереба*, в с. Вирма — 7 названий: *Анны Александровны Тереба, В Горюшках Тереба, Игнатьевские Тереба, Калинина Тереба, Монаха Тереба, Тереба на Холтышке, Черняевские Тереба*. Имеются подобные названия сенокосных угодий и в Кемском районе: *Тереб на Красной Щелье, Тереб за Сидячим, Тереб на Бабручье, Тереб на Глубоком, Тереб в Мязреки, Шведский Тереб*. Эти покосы располагались в лесу и у ручьев. В беломорских, кемских, кандалакшских, онежских и терских говорах слово *тереб* употребляется в значении ‘вырубленный, выжженный, расчищенный под сенокос участок леса’ (СРГК: 4, 452). Примечательно, что в других славянских языках это слово не сохранилось, что исследователи связывают с ранней заменой на юге подсечного земледелия пашенным. Г. П. Смолицкая отмечает большое количество названий от слова *тереб* на территориях бывшей Новгородской, Псковской, частично Тверской губерний.¹⁷

Для наименований покосов и пахотных угодий используется слово *полянка*: *Подвикюлины Полянки* — в сторону Сумпосада, *Полянки* — покос у коровника, *Полянки за школой, Полянки у моста, Фёдора Степановича Полянки, Шумовских Полянки* (Колежма); *Полянка* — поле (Вирма), *Пастушья Полянка* — покос (Нюхча). В словаре В. И. Даля слово *поляна* приводится со значением ‘кулига, росчисть, подсека’ — без помет (Даль: III, 230). В архангельских, олонечских, северных, нижегородских, ярославских, костромских, саратовских, ростовских говорах слово *поляна* отмечено в значении ‘пахотная земля, пашня вдали от селения (за полями, в лесу)’ (СРНГ: 29, 189).

¹⁷Смолицкая Г. П. Аpellятив и топоним в составе народного говора // Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования. 1972. М., 1974. С. 265.

О подсечно-огневом земледелии в Поморье свидетельствуют и названия покосов *Кулига* — на Мягострове (Колежма) и *Кулига* (Нюхча). В вятских, архангельских, олонечких, вологодских, новгородских, северных, ярославских, нижегородских, пермских, свердловских, калужских, московских говорах это слово известно в значении ‘участок из-под леса, расчищенный под пашню, иногда луг’. В значении ‘место в лесу между кустами или на вырубках, где можно косить траву’ слово *кулига* употребляется в беломорских, кемских, архангельских, печорских, мурманских, ярославских, вологодских, калининских, средне-уральских говорах (СРНГ: 16, 60–61). В беломорских говорах слово *кулига* зафиксировано в значении ‘поляна в стороне от основного покоса’ (СРГК: 3, 56).

В с. Шуерецкое зафиксированы названия покосов *Чищины Ананьиных*, *Чищины Плехановых*, в с. Шижня — *Чищеница Варварина*, в Сумском Посаде — *Корольковская Чищеница*. В. И. Даль отмечает, что слова *чисть*, *чищенина*, *чищобь*, *чищоба*, *чища* ‘место, где лес вырублен, выкорчеван и сожжен под посев; пашня, расчищенная из-под леса’ употребляются в северо-восточных говорах (Даль: IV, 607). В псковских, тверских, онежских, ленинградских говорах известно слово *чища* ‘росчисть под сенокос’ (Чайкина 1975). Ряд однокоренных слов и микропонимов с этим корнем встречается в Новгородской области: *чистка*, *чистяк*, *чищенка*, *чищенник*, *Чищеница* — место (Солецкий район), *Чищенники* — сенокосное угодье у д. Жильско (Солецкий район), *Чищенницы* — место (Старорусский район) (НОС: 12, 62).

В с. Шижня известны сенокосные угодья *Узкая Нивка Белого* и *Высокая Лядина*. Слово *нива* в значении ‘вырубленное и выжженное под пашню, огород или луг место в лесу, росчисть’ употребляется в прионежских, архангельских, новгородских, псковских, вологодских, калининских, ленинградских, ярославских говорах. В беломорских, прионежских, пудожских, архангельских, ленинградских, калининских говорах слово *нива* зафиксировано в значении ‘поле, пашня или луг на месте выкорчеванного леса’ (СРНГ: 21, 215). В Словаре русских говоров Карелии слово *нива* в беломорских говорах не отмечено. Слово *лядина* в значении ‘вырубленное и выжженное под пашню или сенокос место в лесу; росчисть’ за-

фиксировано в прионежских, псковских, новгородских, кировских, калининских говорах. В значении ‘участок леса, удобный для подсеки и распашки под новину’ слово известно в беломорских, пудожских, псковских, новгородских, вологодских, ленинградских, калининских, калужских говорах (СРНГ: 26, 263). Словарь русских говоров Карелии фиксирует в беломорских говорах слово *лядина* со значением ‘лесная поляна с мелким кустарником или зарастающая лесом делянка’ (СРГК: 3, 175).

Микротопонимы и памятники письменности свидетельствуют о распространении в XVI–XVII вв. в Карельском Поморье хлебопашества, которое в дальнейшем было вытеснено рыбным промыслом. Лишь Нюхча осталась единственным рыбацким селом, где сеяли ячмень и рожь. Примечательно, что термины подсечно-огневого земледелия в поморском говоре постепенно изменили свою семантику и стали обозначать сенокосные, а не пахотные угодья: *кулига* ‘расчистка в лесу, примыкающая к теребу, небольшой клочок земли на лесной площади, поросший травянистой растительностью, вновь начатая лесная расчистка вблизи от тереба под сенокос’ (Дуров: 2011, 198), *поле* ‘вне обычного значения — сенокосный суходольный луг, расположенный возле берега реки в окрестностях, прилегающих к селению’ (Там же: 319), *полянка* ‘суходольная сенокосная лужайка в лесу’ (Там же: 323), *тереб* ‘расчищенная из-под мелкого кустарника площадь земли под сенокосный луг, лесная расчистка для сенокоса’ (Там же: 404).

В XVI–XVII вв. особую роль в экономике Поморья сыграло солеварение. По мнению историков, солеварение появилось здесь благодаря русским переселенцам, так как оно было традиционным занятием населения Новгородчины и других севернорусских земель. В Беломорье рассолом стала служить морская вода, поэтому варницы находились здесь исключительно у моря.¹⁸ В «Отводной сотной выписи» 1556 г. приводятся варницы, пожалованные государем Соловецкому монастырю. Каждая варница имела собственное наименование по ее местоположению и по имени крестьянина, который

¹⁸История Карелии с древнейших времен до наших дней /Науч. ред. Н. А. Кораблев, В. Г. Макуров, Ю. А. Савватеев, М. И. Шумилов. Петрозаводск, 2001. С. 147–148.

осуществлял солеварение: варница *Гавриловская Захарьина сына Попова в Конручье, на Вег губе* варница *Омельяновская Микитина, на Вегу ж губе* варница *Фетковская Ямлена да Фетка Остафьева сына Биричева да Ефимка Никитина, под Вирмою* варница *Ивановская Офонасова сына Холдыги да Гриши Офонасова сына Сухоноса, под Вирмою* варница *Фетковская Иванова да Ортюшки Кондратова да Тимошки Прокофьева, в Пертострове* варница *Ивановская Федорова сына Ушакова* и т. д. (Гейман: 1941, 184). Писцовые книги Обонежской пятины 1563 и 1582–83 гг. свидетельствуют, что солеварни Соловецкого монастыря располагались в устье реки Сумы в Вехгубе, в Куно-ручью, в Колежме в Чижгубе, на Сухом наволоке, в устье реки Вирмау моря, в Шижне на морских островах. К концу XVIII века солеварение в Поморье практически прекратилось, что было вызвано открытием богатых разработок соли на Урале.¹⁹ В микропонимии Поморья сохранилось несколько наименований покосов, восходящих к нарицательному обозначению солеварни: *Варница* — покос с. Сумский Посад, *Варница* — покос с. Колежма в низком месте, где варили соль, *Варнична Большая* — покос с. Колежма, *Варнична Меньшая* — покос, *Летняя Варница* — покос (Шижня).

Промысел рыбы на Белом море и по рекам составлял основу экономики поморских волостей. Несколько мест рыбной ловли описывает писцовая книга 1563 года. На Суме реке был поставлен кол рыбный, в котором до заморозков ловят морскую рыбу, лосося и сёмгу. На реке Сороке находился ез (сооружение для рыбной ловли, состоящее из частокола, перегораживающего водный поток с небольшим отверстием посередине для установки сети), в котором старец Тимофей ловит рыбу на монастырь. В устье реки Выг на Сороке у моря был рыбный кол, где сетями ловили нюхчане. На пороге Золотец на реке Выг находилась семежная тоня (ПКОП: 1563, 165).

Большое количество микропонимов — названий рыбных тонн зафиксировано в с. Колежма: *Большая тоня, В Омуте, Забор, Залуг, Зимний, Кбочинская тоня, Кривулина, Маланьина тоня,*

¹⁹Там же. С. 225.

Меляк, Овечья ямка, Омут, Под забóром, Поповские тони, Поповый забор, Пудáс, Средняя тоня, Трасса. Все эти тони расположены на реке Колежма, название которой с саамского kuoll(e) переводится как ‘рыбная’.²⁰

Значительный интерес представляет собой слово *печище*, отраженное в топонимии с. Вирма Беломорского района Карелии: *Печища* — сенокосное угодье. Слово это отсутствует в памятниках письменности, относящихся к Карелии, нет его и в топонимии Заонежья.

В «Словаре русского языка XI–XVII вв.» (15, 40) слово *печище* зафиксировано в трех значениях: 1. ‘место, где стояла печь; остатки печи, жилища’; 2. ‘небольшая северная деревня, преимущественно заброшенная; бывшее родовое поселение большой семьи, общины’; 3. ‘рыболовное угодье в виде мели с ровным дном (? — так в тексте)’. В первом и втором значениях это слово употребляется преимущественно в актах Центра и Северо-Востока, ср.: *А что, господине, сказывают Захар, да Ермак, да Терех, что те деревни ставили, розсекая лесы, а ныне, господине, на тех пустошех на Синцове да на Окулове и сегодня печища старое, а сами, господине, те печища и пашут. И Микула спросил Захара, и Ермака, и Тереха: Есть ли на тех пустошех печища? И Захар, и Ермак, и Терех тако ркли: Есть, господине, на Окулове печищо, а пашем, господине, мы к Юринскому — 1488/90 г., Костромской уезд (АСВР: I, 416); А печищо, господине, одно есть: стояла тут изба да клеть при архимандрите при Варламе на приезд, — приежжали в сенокос с старци и с людьми тех пожен косити, а той избе стояли — 1495/97 г., Ярославский уезд (Там же: II, 221); А Пузанова де у нас за Нельшею нет же: то де, что они называют Пузановым, наши овинные печища с. Медведева — 1660 г., Суздальский уезд (Там же: II, 480). В третьем значении *печище* отмечено также на Северо-Востоке — в архангельских документах: *Яз Матфеи. . . продал есми. . . полдеревни. . . со всеми угодьи, и со всех тех земли и рыбная ловля, а при ней печища, а продал есми вдерьнь — 1556 г., Лодом-**

²⁰ Кузьмин Д. В. К проблеме формирования населения западного побережья Белого моря (по данным топонимии) // Финно-угорская топонимия в ареальном аспекте: Материалы научного симпозиума. Петрозаводск, 2007. С. 24.

ская волость Архангельского уезда; *Оброчные статьи. . . у Левки Бокина по Лапшенги речки сенные покосы и печища* — 1682 г., Онежский уезд (СлРЯ XI–XVII: 15, 40).

Ойконимы и микропонимы от основы *печище* зафиксированы в двинских и каргопольских документах XVI–XVII в.: *у Сальнего печища* — 1515/1516 г. (АСМ: 28), *продал. . . свою деревню Олутинскую да з Дыринским печищем* — 1559 г. (Там же: 160), *продал. . . свое посилье на Владычне Максимовское печище Дорина* — 1564 г. (Там же: 174); *деревня Кологривовское печище Левоновское займище тож, деревня Васюковское печище, деревня Ортемовское печище* — 1623 г. (КДУ). Название от данной основы отмечается и в современной микропонимии Новгородской области: *Печище* — поле.²¹

А. О. Подвысоцкий (121) приводит следующие значения слова *печище* в архангельских говорах: ‘отдаленная от других населенных местностей деревня или поселок’ (без указания места), пинежское ‘общее собирательное название расположенных в близком между собою расстоянии деревень, составляющих, по общинному пользованию земельными угодьями, как бы одну, неразделенную населенную местность’, ‘община, сельское общество’ в волостях, ближайших к Архангельску. Г. Куликовский (81) дает подробнейший комментарий к каргопольскому и вытегорскому *печище* ‘пепелище, остатки бывшего когда-то поселения’: «их особенно много в юго-восточной части Олонецкой губернии. Признаки, по которым можно судить о бывшем когда-то поселке, иногда очень слабо заметны: слабые остатки каменной кладки, бывшей вероятно по сторонам проезда в поля, кучки камней, выбранных, по-видимому, из пахотной полосы, иногда следы борозд, когда-то сделанных сохою; последнее в особенности трудно отличить, когда место бывшего поселка поросло лесом. Некоторые из таких печищ народная молва приписывает когда-то жившей здесь чуди, но далеко не все; некоторые из поселков оставлены по-видимому сравнительно недавно; так например *по р. Волошке 7 жителей жило и печище до сих*

²¹ *Васильев В. Л.* Ономастика Каменского новгородского говора // Сельская Россия: прошлое и настоящее. Вып. 2. Доклады и сообщения 8 российской научно-практической конференции (Орел, ноябрь 2001 г.). М., 2001. С. 217.

пор знат». Похожие предания о вологодских топонимах с основной *печище* отмечает и Е. Л. Березович: д. *Старое Чудское Печище* (нов. *Скочково*) — «тут *чудо* жило когда по преданию» (Никольский район); пок. *Печище* у д. *Паново* — «по преданию, тут польский пан жил, видно, после нашествия Польши, когда не могли Кирилловский монастырь взять. Остался, обрусевший он был уже, от него осталось название Печище» (Кирилловский район).²² П. А. Дилакторский (359) зафиксировал *печище* ‘место прежнего житья со следами стоявших тут когда-то печей’ в Вельском, Кадниковском, Никольском и Тотемском уездах Вологодской губернии.

По данным «Словаря русских народных говоров» (27, 7) *печище* ‘место, где когда-то было жильё, деревня’ известно в олонецких, архангельских, вологодских, ярославских, калининских, московских говорах. В архангельских пинежских говорах слово *печище* употреблялось в значениях ‘одна или несколько деревень, объединенных общим земельным владением’, ‘общее владение, принадлежащее нескольким хозяевам, носящим одну фамилию’, а в пудожских — ‘часть деревни, имеющая общую долю полей и угодий’ (Там же: 7). А. В. Окунев отмечает, что в Пудожском районе на Водлозере деревни (Коскосалма, Путилово, Загорье) делились на печища, обособленные в хозяйственном плане.²³

Приведем данные по слову *печище* из региональных диалектных словарей XX века. Так, Ярославский областной словарь отмечает *печище* ‘часть крестьянской усадьбы, занятая домом и двором’ в мышкинских, пошехонских, ростовских, первомайских, даниловских и костромских нейских говорах, ‘место, где раньше стоял дом’ в пошехонских, любимских, первомайских, пречистенских и костромских говорах. Здесь дается и комментарий Г. Г. Мельниченко: «Печище — ... место, где стоял дом. Остатки кирпича, бугор, след когда-то бывшего жилья. Печища роют, ищут клады, о них существуют легенды. Так, на основании печиж говорят о разоренных панями деревнях. Память о поляках живет... на севере нашей гу-

²²Березович Е. Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. Екатеринбург, 2000. С. 468.

²³Окунев А. В. Этнографический отчет об обследовании деревень Куганаволокской волости. Петрозаводск, 1993 (Хранится в ИЯЛИ КНЦ РАН).

бернии...» (ЯОС: 7, 104). «Новгородский областной словарь» (7, 136) приводит *печище* в значениях ‘остов русской печки’ в Хвойнинском и Дрегельском районах и ‘куча камней’ в Любытинском. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей (4, 499) фиксирует *печище* ‘остатки развалившейся печи на пожарище’ в лодейнопольских, подпорожских, тихвинских, вытегорских, каргопольских, шекснинских говорах и ‘небольшая площадь в центре деревни’ в киришских. И. И. Мосеев приводит поморское *печище* ‘остатки от дома, развалины дома’ с отражением цоканья.²⁴

Известный этнограф М. О. Косвен считал *печище* на Русском Севере одной из форм патронимии в эпоху распада родового строя. *Печище* состояло из 2–3 и более родственных семей-дворов и назвалось по имени более отдаленного предка. Также все членыпатронимии могли иметь одну фамилию. Распадом патронимии объясняется то обстоятельство, что *печище* уже состояло из малых семей, коллективы которых теряли свой чисто родственный характер. Такие села, состоящие из небольшого числа родственных дворов, существовали и сохранялись в Архангельском крае вплоть до 70 годов XIX столетия.²⁵ О печижном землевладении как совладении малых семей, составляющих деревню, писал и А. И. Копанев.²⁶

Топонимические и диалектные данные по Архангельской области и Водлозерью убедительно доказывают существование в прошлом печижного землевладения. Подтверждение этому можно найти в диалектной записи, осуществленной в 1990 г. в с. Куганаволок Пудожского района: *Раньше деревни были разделены на семейства, да и болота относились так: Митькино болото, Иваньково болото* (В. А. Данилина, 1930 г.р., д. Качнаволок).²⁷

Современный ареал названий населенных пунктов от *печище* охватывает центральные (Тверская, Ивановская), северо-восточные

²⁴ Мосеев И. И. Поморьска говора: краткий словарь поморского языка. Архангельск, 2005. С. 250.

²⁵ Косвен М. О. Семейная община и патронимия. М., 1963. С. 169–181.

²⁶ Копанев А. И. Крестьянство Русского севера в XVI в. Л., 1978. С. 128.

²⁷ Михайлова Л. П. История края в народном слове. Русские говоры Карелии. Петрозаводск, 2004. С. 19.

(Кировская, Архангельская), западные (Новгородская, Смоленская) и южные (Курская) области России.

Таким образом, в русской микротопонимии Карельского Поморья отразились все основные виды хозяйственной деятельности местных жителей, как существовавшие в прошлом (подсечно-огневое земледелие, солеварение), так и сохранившиеся до наших дней (рыбный промысел). Термины подсечно-огневого земледелия в поморских говорах изменили свою семантику и стали обозначать сенокосные, а не пахотные угодья.

Особенностью поморских говоров, отразившейся и в микротопонимии, является сочетание разнодиалектных явлений, которые свидетельствуют об интенсивных междиалектных контактах в прошлом. При этом большинство лексем, употребляемых в микротопонимии Карельского Поморья, обнаруживают явные новгородские и псковские истоки. Самая малочисленная группа слов является следствием ростово-суздальского влияния. К этой группе принадлежит и слово *печище*, проникшее в Карельское Поморье через Заволочье (Двинской уезд и Каргополье) и отсутствующее в топонимии и в памятниках письменности Обонежья.

СОКРАЩЕНИЯ

АСВР — Акты социальной истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. Т. I. М., 1952; Акты социальной истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. Т. III. М., 1964.

АСМ — Акты социально-экономической истории Севера России конца XV—XVI вв.: Акты Соловецкого монастыря 1479–1571 гг. / Сост. И. З. Либерзон. Л., 1988.

Гейман — Материалы по истории Карелии XII–XVI вв. / Под ред. В. Г. Геймана. Петрозаводск, 1941.

Дуров — Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении. Петрозаводск, 2011.

КДУ — Книги Двинского уезду черным волостям Кевроле и Мезени письма и меры Осипа Яковлевича Прончищева да подьячих Семена Реткина да Петра Шарапова. Лета 7131 г. (1623 г.). Хранится в РГАДА. Электронный ресурс [<http://sanatur.ru/forum/viewtopic.php?f=119&t=12047>]

НОС — Новгородский областной словарь / Отв. ред. В. П. Строгова. Вып. 1–13. Новгород, 1992–2000.

ПКЗП — Писцовая книга Заонежской половины Обонежской пятины 1582/83 гг.: Заонежские погосты // История Карелии XVI–XVII вв. в документах. III. Петрозаводск — Йоэнсуу, 1993.

- ПКОП — Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. Л., 1930.
- СлРЯ XI–XVII вв. — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–28. М., 1975–2008.
- СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А. С. Герд. Т. 1–6. СПб., 1994–2004.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. Т. 1–45. М.; Л., СПб., 1965–2013.
- ЯОС — Ярославский областной словарь / Под ред. Г. Г. Мельниченко. Т. 1–10. Ярославль, 1981–1991.